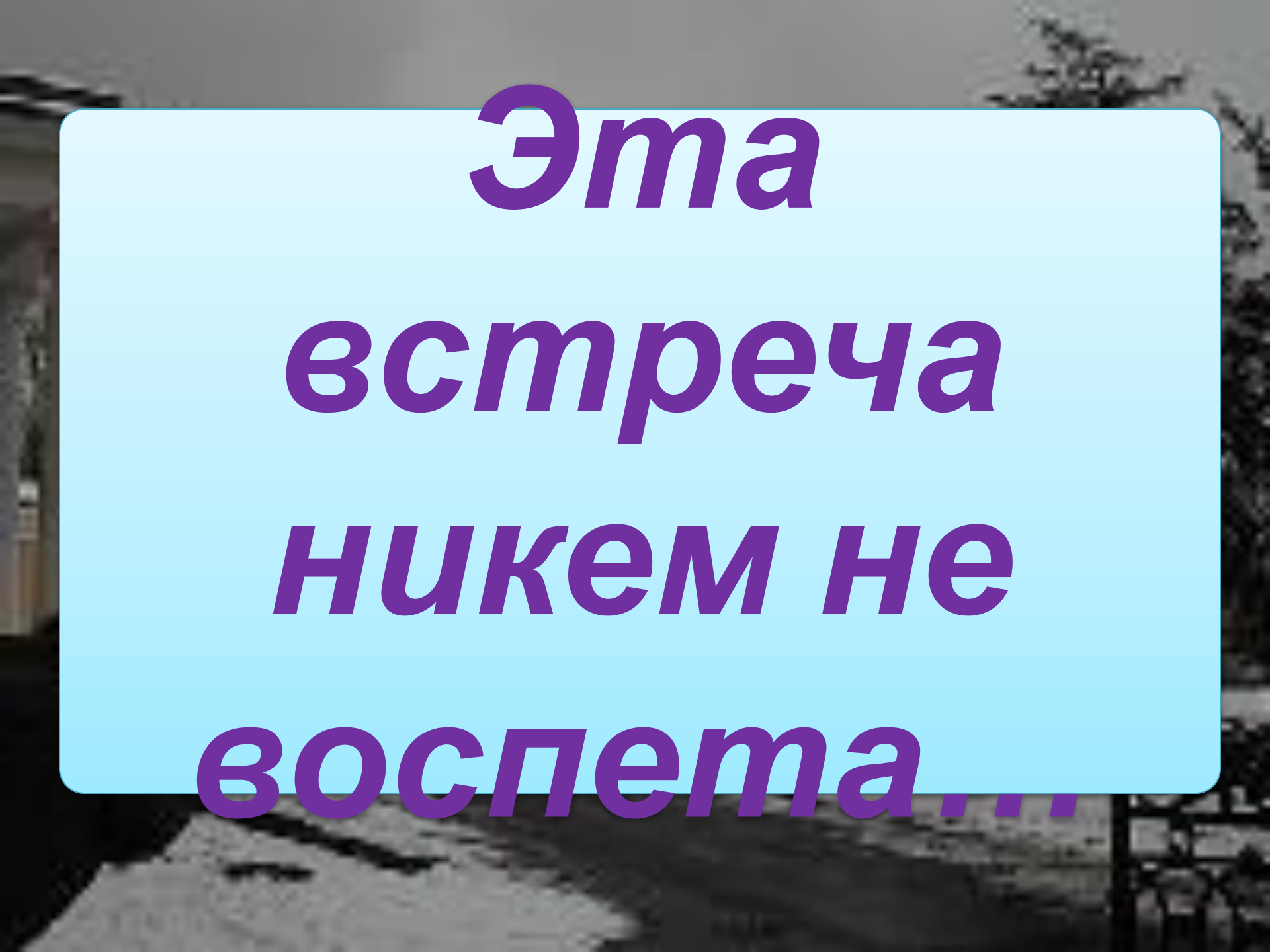
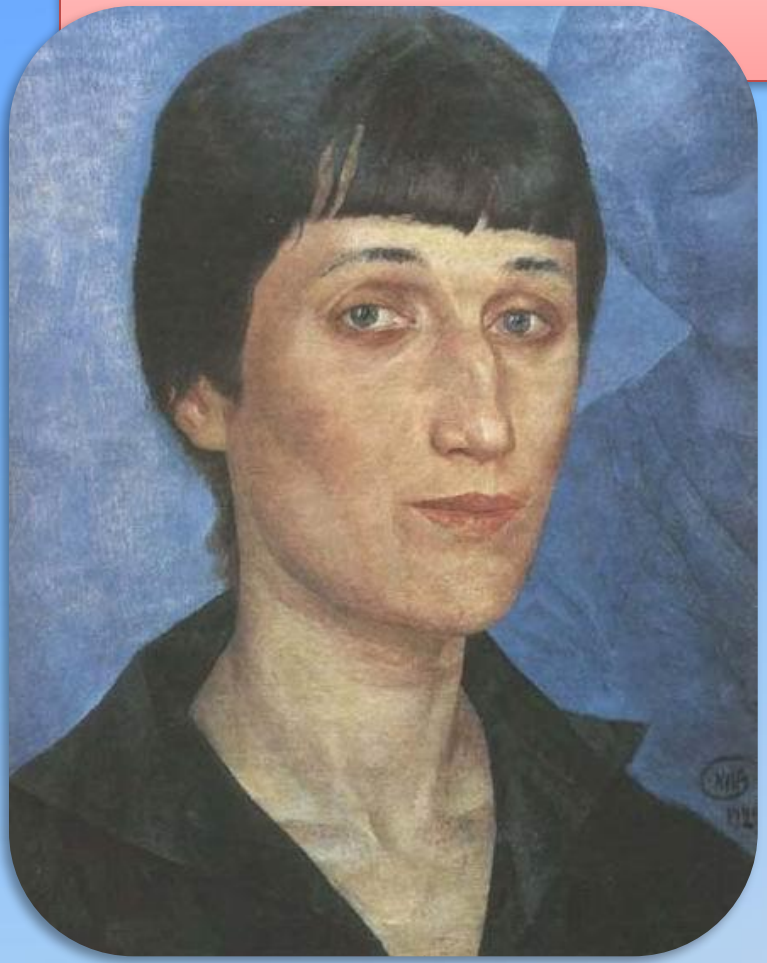

Эта
встреча
никем не
воспета...

Они встретились случайно в рождественский сочельник 1903 года…



Я конквистадор в панцире железном,

Я весело преследую звезду,

Я прохожу по пропастям и безднам

И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!

Растет туман, ноя молчу и жду,

И верю: я мечту свою найду…

Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,

Тогда я сам мечту свою создам

И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,

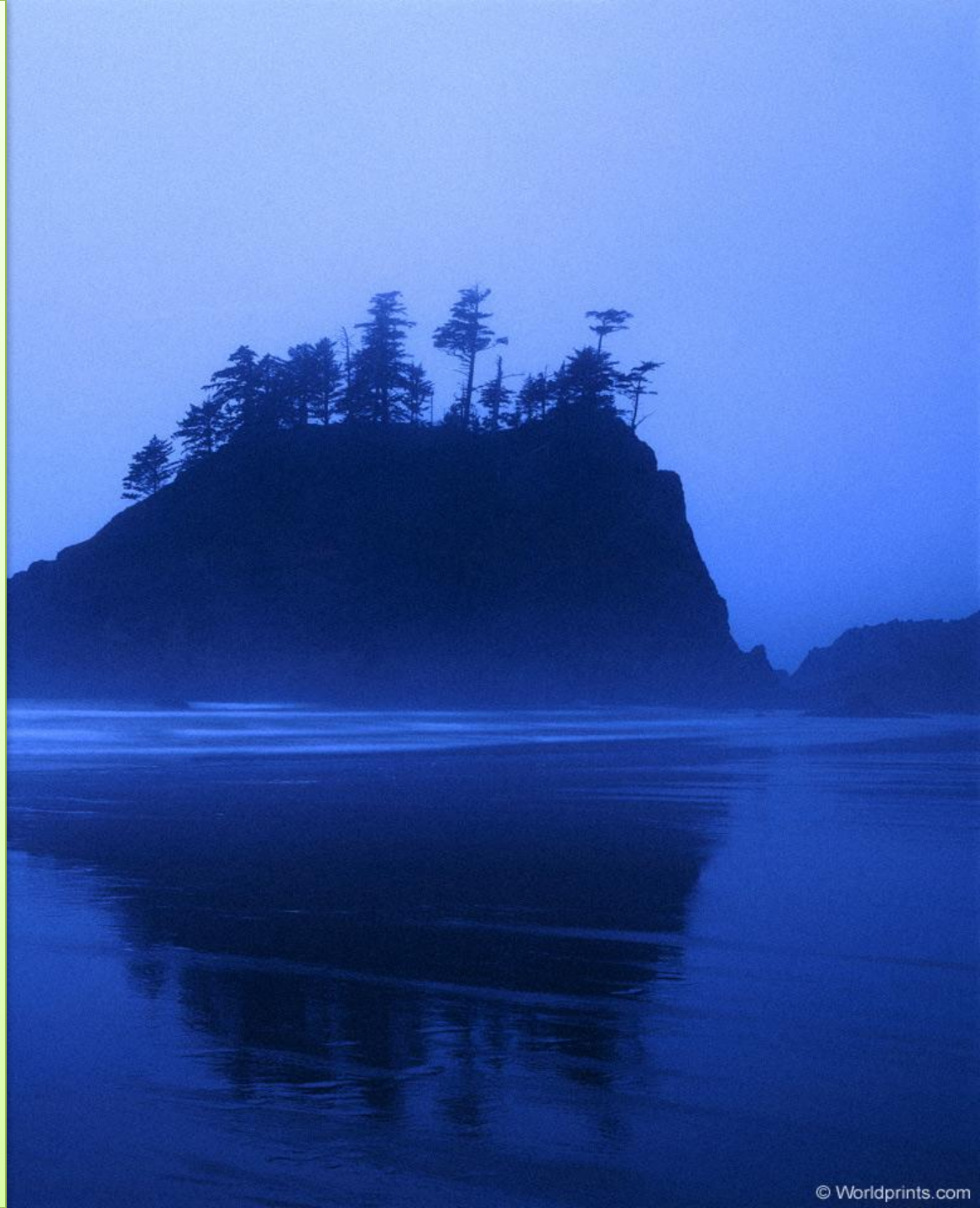
Но я вплету в воинственный наряд

Звезду долин, аллею голубую.

Н. Гумилев. «Я конквистадор в

Я пришла сюда, бездельница.
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница,
Годы можно здесь молчать.
Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.
Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.
Замечаю все, как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу готовая
Снова стать тобой, земля.

А. Ахматова «Я пришла сюда, бездельница…»



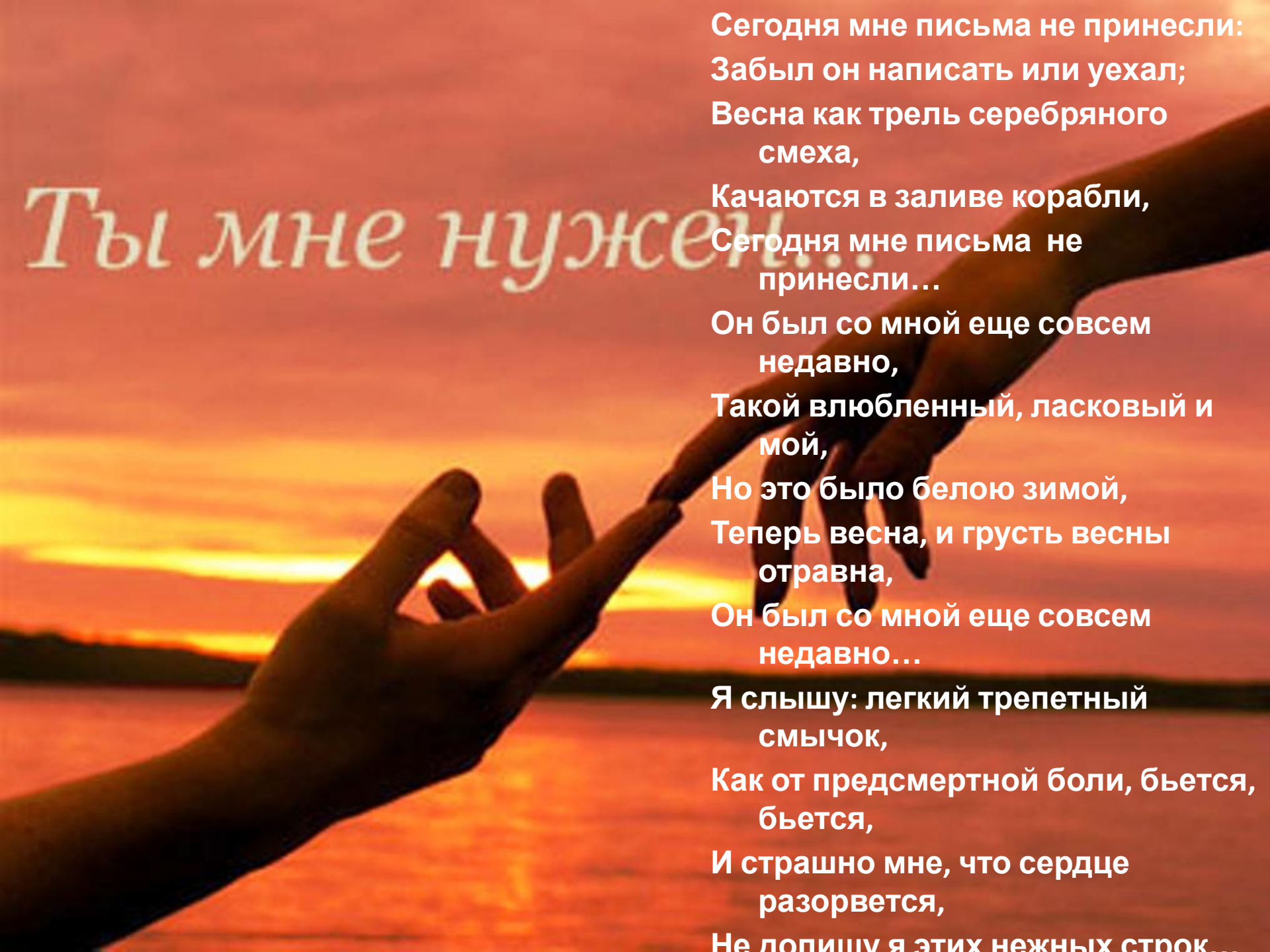
«Я выхожу замуж за друга своей юности Николая Гумилева. Он любит меня уже три года, и я верю, что моя судьба быть его женой… Гумилев – моя судьба, и я покорно отдаюсь ей…»

Я умею любить.
Умею покорной и нежною быть.
Умею заглядывать в очи с улыбкой
Манящей, призывной и зыбкой.
И гибкий мой стан так воздушен и строен,
И нежит кудрей аромат,
О, кто со мной, тот душой неспокоен
И негой объят…
Я умею любить. Я обманно – стыдлива
Я так робко нежна и всегда молчалива.
Только очи мои говорят.

Они ясны и чисты
Так прозрачно – лучисты.
Они счастье сулят.
Ты поверишь – обманут,
Лишь лазурнее станут
И нежнее и ярче они –
Голубого сиянья огни.
И в устах моих – алая нега.
Грудь белее нагорного снега.
Голос – лепет лазоревых струй.
Я умею любить. Тебя ждет поцелуй.

А. Ахматова «Я умею любить…»

На руке моей перчатка,
И ее я не сниму,
под перчаткою загадка,
О которой вспомнить
сладко
И которая уводит мысль
во тьму.
На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит
пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка,
верный друг.
Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня - моя перчатка, и о
ней мне вспомнить
сладко,
И ее до новой встречи не



Сегодня мне письма не принесли:
Забыл он написать или уехал;
Весна как трель серебряного
смеха,
Качаются в заливе корабли,
Сегодня мне письма не
принесли…
Он был со мной еще совсем
недавно,
Такой влюбленный, ласковый и
мой,
Но это было белою зимой,
Теперь весна, и грусть весны
отравна,
Он был со мной еще совсем
недавно…
Я слышу: легкий трепетный
смычок,
Как от предсмертной боли, бьется,
бьется,
И страшно мне, что сердце
разорвется,
Не допишу я этих нежных строк…

Сегодня я вижу, особенно грустен
твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай, далеко – далеко, на озере
Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега
дана.
И шкуру его украшает волшебный
узор,
С которым равняться осмелится
только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких
озер.
Вдали он подобен цветным парусам
корабля,
И бег его плавен, как радостный
птичий полет.
Я знаю. Как много чудесного видит
Земля

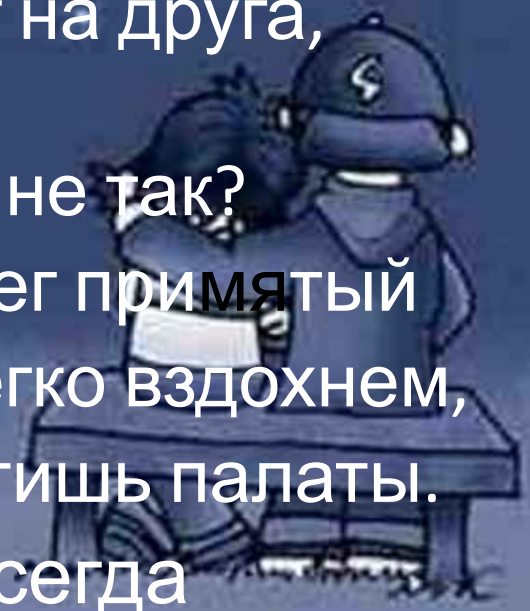
Я знаю веселые сказки
таинственных стран
Про черную деву, про страсть
молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала
тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что –
нибудь, кроме дождя.
И как я тебе расскажу про
тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах
немыслимых трав…
Ты плачешь? Послушай… далеко.
На озере Чад
Изысканный бродит жираф

Н. Гумилев «Жираф»

Наплывала тень…Догорал камин.
Руки на груди, он стоял один,
Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говорил про свою печаль:
«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи – то города.
И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.
Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.
Древний я отрыл храм из – под песка,
Именем моим названа река,
И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперья слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;
Я узнал. Узнал, что такое страх,
Погребенный здесь в четырех стенах;
Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны…»
И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его

Н. Гумилев «У камина»

Мы не умеем прощаться,-
Мы бродим плечо к плечу.
Уже начинает смеркаться,
Ты задумчив. А я молчу.
В церковь войдем, увидим
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга,
выйдем…
Отчего все у нас не так?
Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты.
Где мы будем всегда
вдвоем.



А. Ахматова «Мы не умеем прощаться…»

И когда друг друга
проклинали
В страсти, раскаленной до
бела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей
мала.

И что память яростная
мучит.
Пытка сильных – огненный
недуг!-
И в ночи бездонной сердце
учит

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит…
Перебирая мужнины слова.
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой…
Забвенье боли и забвенье нег –
За это жизнь отдать немало.

А. Ахматова «Заплаканная осень

© Worldprints.com

Никому не дано сказать о поэте больше, чем делает это он сам в своих произведениях. Только судьба, только одна она – больше поэта, потому что может быть и посмертной…